

можны лишь при низкомъ стояніи воды. Лѣтомъ, въ періодъ дождей, уровень рѣки сильно повышается, быть можетъ на сажень и болѣе. Замерзаетъ Муръ-усу въ ноябрѣ; вскрывается въ мартѣ; ледъ достигаетъ 2—3 фут. толщины. Рыбы въ Муръ-усу довольно много, но мы не могли ея поймать зимою. Въ общемъ, вѣроятно, здѣсь преобладаютъ тѣ же виды, или по крайней мѣрѣ роды, которые добыты были нами въ р. Шуга и свойственны всей вообще Центральной Азіи.

Изъ притоковъ описываемой рѣки самые большіе впадаютъ съ лѣвой ея стороны, именно: *Токтонай-уланъ-мурень* и *Напчитай-уланъ-мурень*. Первая изъ этихъ рѣкъ вытекаетъ съ западной окраины горъ Танъ-ла; вторая—изъ хребта Марко-Поло, или, быть можетъ, еще западнѣе. Съ правой стороны, Муръ-усу, вѣроятно, не принимаетъ большихъ рѣкъ, такъ какъ здѣсь сначала стоитъ плато Танъ-ла, а затѣмъ высокій хребетъ *Дачинъ-Дачюмъ*, быть можетъ продолжающійся, хотя и подъ другими именами, далеко внизъ по правому берегу описываемой рѣки. На лѣвой ея сторонѣ сначала, по спускѣ съ Танъ-ла, мѣстность довольно открыта, а затѣмъ встаютъ хребты Цаганъ-обо, Думбуре, Кукушили и Баянъ-хара-ула. Всѣ эти горы сильно стѣсняютъ долину Муръ-усу, такъ что лишь изрѣдка эта долина имѣетъ отъ 8—10 верстъ ширины, обыкновенно же гораздо уже. Почва на берегахъ Муръ-усу, равно какъ въ нижнемъ и частію среднемъ поясѣ окрестныхъ горъ, довольно плодородная; пастбища здѣсь хороши, въ особенности для Тибета.

Охота на дикихъ яковъ.

По этимъ пастбищамъ бродятъ многочисленные звѣри: оронго, ада, хуланы и яки. Послѣдніе встрѣчались намъ нерѣдко стадами, въ которыя скучивались десятки, иногда сотни ¹⁾ молодыхъ самцовъ и самокъ съ телятами. Старые же самцы бродили въ одиночку или по нѣсколько штукъ вмѣстѣ. Вотъ за этими то старыми яками, иногда послѣ раны бросающимися на стрѣлку, мы и охотились съ постояннымъ увлеченіемъ. Интересъ борьбы, и до извѣстной степени опасность, невольно разжигали охотничью страсть и манили прибавить еще нѣсколько сильныхъ ощущеній къ тѣмъ многоразличнымъ впечатлѣніямъ, которыми такъ богата жизнь каждаго путешественника вообще, а странствователя по пустынямъ Центральной Азіи въ особенности. Помимо охотъ въ одиночку, съ подхода, практиковавшихся на дневкахъ, или по приходѣ на

¹⁾ Тысячныхъ стадъ дикихъ яковъ, каковыя встрѣчались намъ въ горахъ Баянъ-хара-ула при первомъ (1872—73 гг.) путешествіи по Тибету, въ нынѣшнюю экспедицію мы не видали, вѣроятно потому, что звѣри эти, напуганные раннимъ снѣгомъ, держались главными массами на нижней Муръ-усу.